

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

Часть II

(доклады и сообщения по арабистике)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ВЕРСИЯ БАСНИ ЭЗОПА В ХРОНИКЕ АТ-ТАБАРИ

В истории завоевания Средней Азии арабами имел место следующий эпизод, о котором рассказывает ат-Табари под 80/699-700 г.¹⁾ "К арабскому наместнику, стоявшему лагерем у Кеша, прибыл двоюродный брат хуттальского малика. Он изменил своему народу и предложил арабам идти походом на Хутталан. Наместник согласился и послал своего сына Йазид б. ал-Мухаллаба. У границы Хутталана Йазид остановился отдельным лагерем, а двоюродный брат малика - тогдашнего малика звали Сабал - остановился своим лагерем. И совершил Сабал ночное нападение на лагерь двоюродного брата. Его воины издали арабский клич. Брат малика подумал, что арабы его предали, а арабы, когда он оставил их лагерь, опасались, что он их предаст. И захватил Сабал своего двоюродного брата, привез его в свою крепость и убил". Вслед за этим, как продолжает ат-Табари, мать убитого велела передать матери Сабала следующее: "Как надеешься ты на сохранение жизни Сабала, после того как он убил своего двоюродного брата. Ведь у убитого осталось семь братьев и всем им нанесена кровная обида. Ты же - мать единственного сына". И поздала мать Сабала в ответ: "У львиц детенышей мало много их у свиной".²⁾

Поговорка, вложенная в уста матери Сабала, и, как увидим, представляющая определенный культурно-исторический интерес, является исходным моментом настоящего сообщения. Укажем прежде всего, что поговорки-пословицы, сходные по своему жанру, привел задолго до ат-Табари историк Александра Македонского Квинт Курций Руф. По его словам, у жителей Оксуса-Бактрии бытовали следующие пословицы: "трусливая собака сильнее лает, чем кусает" и "самые глубокие реки текут бесшумно". Эти пословицы приведены в качестве подкрепления мысли о том, что царю, принимающему решение "необходима рассудительность, а не стремительность". Отметим, что у римского автора речь идет о том же районе, о котором говорится и у ат-Табари. Стоит также указать, что вторая поговорка близко напоминает известное четверостишие А.С.Пушкина "Воды глубокие/ плавно текут./ Люди премудрые/ тихо живут". Прямых аналогий к указанным пословицам в древних источниках обнаружить не удалось.

По всей вероятности у местных жителей существовали соответствующие басни или притчи, ближе нам неизвестные. Иначе обстоит де-

ло с происхождением поговорки, вложенной в уста матери Сабала. Можно, очевидно, говорить с полной уверенностью об определенном литературном источнике этой поговорки. Действительно, близкая по характеру басня вошла в состав басен знаменитого греческого баснописца Эзопа, у которого мы читаем в басне под названием "Львица и лиса" следующее: "Лиса попрекала львицу за то, что та рожает только одного детеныша. Львица ответила: "Одного, но льва".⁴ Басня показывает, что ценно не количество, а достоинство. У Эзопа, как видим, речь идет о львице и лисе (вместо льва и свиньи). Однако, у римского автора басен Бабрия, изложившего в стихах басни Эзопа, говорится уже не о лисе, а о свинье. В пересказе басня Бабрия звучит так: говорят, что свинья, хвастаясь выводком своих поросят, спросила львицу: "А сколько детенышей рождаешь ты?" Та отвечала: "Одного, но льва". (Один человек сильный телом и выдающийся отвагой и разумом бывает лучше, чем множество людей трусливых и слабых, и неразумных).⁵)

Таким образом, басня Эзопа уже в античное время несколько изменилась в сторону более наглядного противопоставления двух животных, как у ат-Табари, львицы и свиньи. Вариант из Хутталана больше совпадает с текстом Бабрия.

Разумеется, трудно гадать о пути, по которому античная басня попала в Среднюю азию, и когда это произошло. Тем более само по себе наблюдение за животными и их противопоставление подобного характера могло возникнуть и на месте. Более очевидным представляется появление на почве Средней Азии другого басенного сюжета, восходящего своим содержанием к названным двум античным баснописцам - Эзопу и Бабрию. Я имею в виду открытый В.Б.Хеннингом среди манихейских текстов на согдийском языке крупный отрывок басни об обезьяне и лисице.⁶) К сожалению, согдийский текст фрагментарен. Однако, Хеннинг с полным основанием указал на первоисточник согдийского извода в соответствующей басне Эзопа "Лисица и Обезьяна". Приведу текст Эзопа полностью. Была у неразумных животных сходка, и обезьяна отличилась перед ними в пляске, за это они выбрали ее царем. А лисице было завидно, и вот, увидев в одном капкане кусок мяса, привела к нему лисица обезьяну и сказала, что нашла она этот клад, но себе не взяла, а сберегла для царя, как почетный дар: пусть же обезьяна возьмет его. Та, ничего не подозревая, подошла и угодила в капкан. Стала она кричать, корить лисицу за такую подлость, а лисица сказала: "Эх, обезьяна, и с таким-то умом будешь ты царствовать над животными?" Так и те, кто

берется за дело неосмотрительно, терпят неудачу, и становятся пошлыми".⁷⁾

Как можно полагать, перевод на согдийский язык был сделан приблизительно в то же время, когда имел место эпизод, рассказанный ат-Табари. Не исключено, что и первая басня Эзопа именно через посредство манихейских деятелей вошла в местную обиходную словесность, слуха первоначально в качестве притчи в некоей проповеди. Однако, еще более интересно для нас открытие другого басенного сюжета, но не в текстовом изложении, а в изобразительной композиции. В 1965 г. при раскопках одного из зданий на городище древнего Пенджикента был открыт участок стеновых росписей, на котором представлена следующая композиция с прозрачным повествовательным сюжетом. Изображен сидящий юноша, перед которым стоит гусыня и лежат золотые яйца. Рядом — этот же юноша потрошит гусыню. И, наконец, в третий раз изображен этот же юноша в позе, выражающей запоздалое раскаяние.⁸⁾

При первой публикации этой живописной композиции в ней был признан широко распространенный современный сказочный сюжет "О птице счастья". Однако, представляется более вероятным, что и сюжет живописной композиции восходит к одной из басен Эзопа, а именно, к басне о "Гусыне, несущей золотые яйца". Один человек, говорится в ней, особенно чтит Гермеса, и Гермес подарил ему за это гусыню, которая несла золотые яйца. Но у того не было терпения богатесть понемножку: он решил, что гусыня вся изнутри из золота и, недолго думая, зарезал ее. Но в ожиданиях он обманулся, и яиц с этих пор лишился, потому что в гусыне он нашел одни потроха. Так что люди корыстолюбивые, льстясь на большее, теряют и то, что имеют.⁹⁾ Более вероятно, что и сюжет пенджикентской росписи был занесен манихейскими проповедниками с запада, хотя документально подтвердить это предположение мы не можем.

В связи со сказанным не лишено интереса и то, что сюжет, близко схожий с данным мотивом, но несколько усложненный, мы находим и в одной буддийской дхатаке. Позволю себе привести текст этой дхатаки в недавно опубликованном русском переводе: "После смерти Божисатва возродился в образе золотого гуся и прилетел к своим жене и дочерям: "Я — ваш отец. Я буду каждый раз отдавать вам по одному перу, а вы, продавая их, заживете в достатке". Однажды жена предложила дочерям выдернуть разом все перья. Дочери, сказав "не это же будет ему больно", отказались. Но алчная жена все же однажды, подозвав гуся, схватила и ошпарила его. Но перья, выдер-

нутые против воли Ботхисатвы, превратились в простые. Ощипанный Ботхисатва улететь не смог, и брахманка посадила его в глиняный ящик и стала кормить. Когда у него снова выросли перья (на этот раз белые), он улетел и больше не возвращался".¹⁰⁾

В настоящем сообщении нет возможности остановиться на вопросе о связи приведенной индийской джатаки с сюжетом басни Эзопа, однако, не исключено, что и в данном случае могли сыграть посредническую роль те же манихеи. Как известно, в манихейской словесности было распространено предание о пребывании самого Мани в Индии. Впрочем, в Индии можно ожидать и более непосредственного происхождения греческой словесности, в том числе и басенных сюжетов, задолго до возникновения манихейского движения. Что касается Средней Азии, то все приведенные три сюжета, по-видимому, имеют своим первоисточником именно басни Эзопа, однако, с уверенностью говорить о посреднической роли манихеев в их распространении нельзя. Но как бы то ни было, они бросают определенный свет на вопрос об одном из возможных путей распространения литературных мотивов. Это представляет бесспорный культурно-исторический интерес.

1) ат-Табари, II, 1041.

2) В.Г.Гафуров. Таджики. М., 1972, 308-309.

3) Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. М., 1963.

4) Басни Эзопа. М., 1968, с.135 (№ 249).

5) Федр, Бабрий. Басни. Издание подготовил М.Л.Гаспаров. М., 1962, с.163 (№ 189).

6) В.В.Henning. Sogdian Tales. - BSO(A)S, XI, 474. В согдийском тексте басня сохранилась не полностью, однако, не вызывает сомнения, как это установил Хеннинг, речь идет именно о басне Эзопа.

7) Басни Эзопа, с.87 (№ 81). Стихотворная переделка этой басни имеется и у Бабрия. См. Федр, Бабрий, с.23. В качестве аналогии пенджинентской росписи недавно опубликован рисунок из средневекового издания *Aesopus: Vita et fabulae*. Augsburg, 1498, см., G.Frumkin. *L'art ancien de l'Asie Centrale Soviétique*. - Arts Asiatique, 1977, T.23, fig.96.

8) Эта живописная сцена опубликована неоднократно. Ср. А.М.Беленицкий. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973, 32-33.

9) Басни Эзопа, с.89 (№ 87).

10) Джатака о золотом гусе (№ 163), пер. В.Вертоградовой в сб. "Поэзия и проза Древнего Востока". М., 1973, 474-475.

Т.Н.ЛЕВЕДИНСКАЯ

ВОСТОК В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Е.КРЫМСКОГО

А.Е.Крымский является не только одним из крупнейших советских востоковедов, но и самобытным поэтом, прозаиком, переводчиком. Его художественное дарование было высоко оценено такими выдающимися деятелями украинской литературы и поэзии, как Иван Франко, Леся Украинка, Максим Рыльский. Первый из них отмечал: "исключительное явление среди украинцев, необычайное своей энергией, чрезвычайной любовью к Украине и разносторонностью знаний и таланта, это Агатангел Крымский. Филолог по профессии, ориенталист по призванию, он проявил себя талантливейшим поэтом, в высшей степени оригинальным прозаиком".¹⁾

Отличительной чертой творчества А.Е.Крымского является связь его художественных произведений с Востоком. Подавляющее число стихов, поэм, рассказов, повестей построено на восточных мотивах либо затрагивает их.

Современник и большой друг А.Е.Крымского Леся Украинка высоко ценила его художественные произведения, особенно поэзию, считая, что как поэт, он обладал более крупным талантом. Поэтесса писала: "... в Ваших лирических стихах ... значительно больше живой правды... Может быть поэтому я способна любить Ваши стихи так, как, наверно, никогда не смогу полюбить этот роман ("Андрей Лаговский" - Т.А.), хотя он достоин всяческого уважения".²⁾

Как известно, поэтическое дарование А.Е.Крымского и сейчас оценивается выше, нежели его талант прозаика. А.Е.Крымский проявил себя как оригинальный поэт, использующий восточный материал, и как переводчик многочисленных художественных поэтических произведений Востока.

Наибольший интерес в этой связи представляет его сборник "Пальмовые ветви", который выдержал на Украине несколько изданий. В нем собраны и собственные произведения на восточные темы, и переводы произведений восточных поэтов. Все это объединено общей тематикой, проникнуто одним поэтическим настроением и поэтому представляет собой органическое целое. Стихотворения сборника окрашены восточным колоритом, глубоко поэтичны, образны, в них много -